

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-68-150-166>

УДК 008; 82–1/– 9

ББК 71.1+76.1+83.3(2Рос=Рус)1

Научная статья / Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2023 г. В. М. Головки

г. Ставрополь, Россия

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИСТЕРН КАК ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОТКРЫТИЕ П. К. БЕЛЕЦКОГО

Аннотация: В культурно-историческом аспекте рассматривается жанрогенез литературного истерна, формировавшегося в творчестве П. К. Белецкого начала 1910-х гг. и опережавшего появление его кинематографического аналога. Русским писателем, в определенной мере учитывавшим опыт создателей западного вестерна, была создана «архаика» жанрового типа истерна, получившего дальнейшее развитие в отечественной литературе и культуре. Жанровая специфика таких произведений Белецкого, которые он сам называл «романами», проявляется в создании ситуации «фронта», нарративного выражения культурной интеракции между «цивилизацией» и «диким» миром не освоенного восточно-сибирского региона России. В отличие от западных вестернов, в русском варианте литературного произведения такого типа воплощается идея достижения не индивидуально-эгоистического успеха, а «общего блага», открывается перспектива социально-прогрессивных и гуманистических преобразований. В истерне Белецкого заложены традиции крупной эпической формы, восходящей к построениям романного типа, характеризующейся ярко выраженным новеллистическим заданием, контаминацией интенсивного (острота действия, экшн-сцены) и экстенсивного (бытопись, распространение действия вширь) принципов построения сюжета; однотипностью художественных ситуаций; «сценарностью», «кинематографической» «кадровостью»; этической поляризацией в персонажной системе; установкой на изображение «исключительных» характеров и обстоятельств. Поэтика литературного истерна Белецкого оказала воздействие на формирование «нарративных формул» соответствующего кинематографического жанра.

Ключевые слова: П. К. Белецкий, истерн, «ситуация фронта», новеллистическое задание, жанровый тип сюжета, хронотоп, кинематографичность, художественный синтез.

Иноформация об авторе: Вячеслав Михайлович Головки — доктор филологических наук, профессор, Почетный работник высшего образования Российской Федерации, Почетный работник культуры Ставропольского края, заслуженный профессор, Северо-Кавказский федеральный университет, Гуманитарный институт, ул. Пушкина, д. 1, 355017 г. Ставрополь, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5244-8972>

E-mail: vmgolovko@mail.ru

Дата поступления статьи: 06.06.2022

Дата одобрения рецензентами: 17.08.2022

Дата публикации: 28.06.2023

Для цитирования: Головкин В. М. Литературный истерик как художественное открытие П. К. Белецкого // Вестник славянских культур. 2023. Т. 68. С. 150–166. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-68-150-166>

В октябре – декабре 1911 г. на страницах петроградской «Газеты-Копейки» (ред. М. Е. Городецкий, В. А. Анзимиров) было впервые опубликовано произведение крупной эпической формы П. К. Белецкого (1871–1934) «Король тайги», в котором все описываемые события происходят в Забайкалье, в бассейне реки Витим. В следующем году в журнале издателя П. П. Сойкина «Мир приключений» (1912, № 1–6) увидело свет второе произведение Белецкого, такое же по жанровому типу — «Золотоискатели в горах Даурии» (вариант: «В горах Даурии»), само название которого указывало на факт закрепления писателем сюжетно-нарративных форм культурной интеракции за счет изображения жизни еще только осваиваемого дальневосточного региона России. Написанные в манере, приближающей эти, по авторскому определению, «романы», к приключенческой литературе, «Король тайги» и «Золотоискатели в горах Даурии» имели большой успех у массового читателя, выходили «колоссальными тиражами» [4]. К Белецкому пришла общероссийская слава [4; 10], он оказался в числе тех популярных авторов, как отечественных, так и зарубежных, чьи произведения издатели охотно представляли самой широкой читательской аудитории (периодические издания конца XIX – первых десятилетий XX в. «Народ», «Новости», «Неделя», «Русский труд», «Биржевые ведомости», «Слово», «Обозрение Петербурга», «Газета-Копейка», «Мир приключений», «Журнал-Копейка», «Природа и люди», «Нива», «Всемирная панорама» и др.). И в наши дни произведения Белецкого включаются в антологии и тематические сборники наряду с классическими текстами А. С. Грина, Р. Ивнева, М. А. Кузмина, В. Я. Брюсова, М. С. Шагинян и мн. др. крупных писателей Серебряного века и советской эпохи (см., напр.: [33; 32]).

За Белецким прочно закрепилась слава «русского Фенимора Купера» или «русского Майн Рида», поддерживаемая и современными публикациями о нем, как правило — информационно-биографического характера [4; 1]. Подобное сравнение писателей не только русской, но и других национальных литератур с американским зачинателем литературных вестернов преимущественно обосновывается этнографической «экзотикой» их произведений, противопоставлением «естественного человека», живущего в гармонии с природой, людям из того мира, где все подчинено захватническим, корыстным, приобретательским, хищническим целям, а также некоторыми особенностями жанровой поэтики (захватывающий сюжет, повествовательная динамика, изображение экстремальных ситуаций, требующих от людей находчивости, смекалки, смелости, проверяющих их на благородство или, напротив, выявляющих темные стороны человеческой души) и т. д.

Что же в целом означает уподобление того или иного писателя его широко известным предшественникам — высокую оценку или указание на эпигонский характер его беллетристических сочинений, на принадлежность к массовой культуре? «Вторичность» художественных созданий автора, творчество которого маркируют именем

его предшественника, исключается в том случае, когда он эстетически обеспечивает право на свою «литературную биографию», а его произведения «вносятся в коллективную память» [13, с. 805]. Анализ результатов творческого труда П.К. Белецкого с такой точки зрения позволяет отнести писателя к числу создателей подлинных художественных ценностей. Он не только владел культурными кодами своего времени, но и создал собственный проект социально-эстетической деятельности, выработал нетривиальную жизненно-творческую траекторию, в результате чего вошел в историю отечественной литературы как писатель, получивший, говоря словами Ю. М. Лотмана, «право на биографию», которая «стала постоянным спутником... его произведений» [13, с. 809].

Примечателен сам материал художественного творчества Белецкого. Начиная с «Жития протопопа Аввакума» дальневосточная тема активно осваивалась отечественной словесностью (см.: [16]), но именно Белецкому принадлежит приоритет в создании особого «образца повествования» в жанре литературного истерна, которое «является воплощением архетипических сюжетных форм, обусловленных конкретным культурным материалом» [9, с. 33].

Писатель хорошо знал историю и настоящее современного ему Забайкалья и Приамурья, которые являлись объектами художественного анализа во многих его произведениях. Медицинский работник по профессии, в мае 1898 г. он вошел в состав одной из геологических экспедиций Я.А. Макурова (1860–1940), который проводил геологические исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Белецкий провёл в Забайкалье, в дебрях Даурской тайги, в бассейне реки Витим два года [2, с. 206]. В 1904 г. он вновь вернулся в эти места, трудился по своей профессии на Амурской железной дороге вплоть до ноября 1918 г. Писатель познакомился с жизнью и бытом забайкальских староверов, многие километры прошел вместе с первопроходцами по дикой тайге, окунулся в повседневную жизнь бурят, ороchon (самоназвание южных эвенков) и других местных народов, воочию увидел, какие риски ожидали переселенцев из центральной России, тех, кто ехал в этот неосвоенный край в надежде «богатеть на вольных землях» [29, с. 22], а также золотоискателей, по всей тайге разрабатывавших новые шурфы. Занимался он и естественнонаучными исследованиями.

Но главный писательский интерес Белецкого был сосредоточен на проблемах общественных отношений, экономики этого региона Российской империи, быта и культуры коренных народов Забайкалья и русских людей, осваивавших девственные просторы Дальнего Востока. «Романы», около тысячи рассказов, новелл, очерков, путевых заметок, публицистических статей вобрали в себя как жизненные наблюдения писателя, так и результаты его этнографических анализов и исторических обобщений. Социальные контрасты, добро и зло, раздумья о том, что способствует прогрессу, а что препятствует осуществлению таких целей, — все это во многом определяло специфику художественных конфликтов в произведениях Белецкого. Критический пафос органично сочетался в них с утверждением социально-эстетического идеала автора, убежденного в достижении дальневосточным регионом светлого будущего, поскольку «русский оплот силен и крепок» [29, с. 36].

Для всех сочинений Белецкого характерна органическая взаимосвязь социальной актуальности и сюжетной увлекательности, силы аналитической мысли автора и завораживающих воображение читателей событийных коллизий. Писатель владел мастерством держать неослабное читательское внимание на протяжении всего текста произведения. В его художественном творчестве отчетливо выражена тенденция к совмещению двух стилевых линий: социально-бытового реализма и бытописи, наполненной при-

ключенческой занимательностью, сценами максимально активного действия («Король тайги», «Золотоискатели в горах Даурии», «Таежный бродяга», «Людоеды» и др.), что придавало идиостилю Белецкого неповторимое своеобразие. В этом отношении у него были литературные примеры, т. е. образцы художественного дискурса других писателей, опыт которых им вполне мог учитываться. Прежде всего можно назвать имена популярных американских прозаиков Э.С. Эллиса и Д. Лондона, произведения которых в конце XIX – начале XX в. активно переводились на русский язык (см.: [36; 34]). Создателю литературного истерна в большей мере мог импонировать стиль «вдохновенного реализма» Д. Лондона, обусловленный пафосом веры в духовные и созидательные возможности человека, нежели манера Эллиса, автора типично приключенческих сочинений: в своих произведениях Белецкий воплощал идею «способности человека на самые великие подвиги добра» [29, с. 26], убежденность в том, что «человеческие сердца» готовы на «чистую жертву» [28].

Приключенческая литература с ее установками на досуговое, развлекательное чтение, формировалась с середины XIX в. в общеэстетическом контексте так называемого «неоромантизма» [20] (К. Гамсун, Р.Л. Стивенсон, Л.А. Буссенар, Д. Лондон, Г.Р. Хаггард, М. Рид, Р. Киплинг и др.). Не случайно некоторые исследователи к числу «романтиков» относят и Белецкого [4, с. 328]. Безусловно, его остросюжетные произведения не имеют отношения к классическому романтизму с его «двоемирием», структурным противопоставлением идеала и действительности, принципиальным возвышением героя над бытом и средой. Но при изображении тех персонажей, действия которых определяют сюжетную динамику и вокруг которых концентрируются герои и события, отчетливо проявляются черты романтизации: как носители этики добра и созидания они наделены исключительными качествами, возвышающими их над всем окружением. К таковым относятся главные герои «романов» Белецкого — «предводитель золотоискателей» Матвей Егорович Мигунов («Король тайги») и Большой Лама, организатор новых разработок золотоносных месторождений, загадочный человек, неожиданно появившийся в «безлюдной вольной тайге», подлинное имя которого было никому не известно («Золотоискатели в горах Даурии»). Но в рассказах и «романах» Белецкого, по сути, нет романтики приключений; в них доминируют, скорее, трагическое начало. Замерзает в непроходимом лесу под вой волков «вечный печальник» Семен, не сумевший присоединиться к артели золотоискателей («Таежный бродяга»); жертвой стаи хищников стал старатель Василий («На вольной земле»); погибает под колесами трамвая в Петербурге загадочный авантюрист Альбини в новелле «Дар судьбы»; был убит и буквально съеден в непроходимых дебрях тайги одичавшими от угрозы голода сотоварищами по несчастью путеводитель Карпушка; целую группу «таежных» искателей «фарта» отравили проходимцы Барабаш и Подворский только из-за того, чтобы не делить с ними остатки провизии («Король тайги»); пропала без вести Любаша — героиня легенды «Чертово городище» и т. д.

В большинстве произведений Белецкого сохраняется традиции приключенческих романов, повестей, рассказов: разделение персонажей на героев и злодеев; острота сменяющих друг друга сюжетных ситуаций; явная избыточность в чувствах; переживаниях действующих лиц при изображении их реакций и поступков (таковы любовные коллизии многих произведений). В «Короле тайги» персонажная система четко разделена на положительных (Мигунов; его возлюбленная Маша; дочь крупного золотопромышленника и преобразователя Сибири Верховского Валентина; помощники Мигунова Володя и Василий Подмога и др.) и отрицательных героев (отчим Маши —

владелец притона Ермолаич; нелюдимец Фома Кривой, легко преступающий любые нравственные и человеческие нормы; циничные и жестокие авантюристы Барабаш, Подворский и т. д.). То же самое наблюдается и в «Золотоискателях в горах Даурии»: благородным и самоотверженным открывателям новых месторождений в районе «золотой реки» Витим [24, с. 13], Большому Ламе, смелой и находчивой охотнице девушке-орочонке Сандоме, штейгеру Акимычу, Ивану Петровичу — бывшему народовольцу, обладающему «хорошими внутренними качествами», Ирдынею — человеку слова, «инстинктами связанному с родными дебрями», многим другим приисковым рабочим, людям «хрустальной совести», противопоставлены «Мессалина Баргузинской тайги», эгоистичная и мстительная миллионерша Валерия Тулупова (Тулупиха), урядник Черноморов, управляющий приисками Тулуповой Орехов и др. [24, с. 96–97, 88, 109]. Если в традиционной приключенческой литературе авторы стремятся увести читателя от повседневности в мир экзотики и героизма [7; 11, с. 1–14], то у Белецкого «экзотика» — это и есть повседневность, то есть жизнь в ее обычном виде и в привычном проявлении и восприятии, контекст повседневного бытия обитателей этого дикого таежного края. Исключительность, необычность, неординарность и заурядность, обыденность, ожидаемость в обрисовке обстоятельств и судеб героев имеют амбивалентный характер. Именно поэтому в произведениях Белецкого нет акцентуации на проявлениях героизма изображаемых персонажей. Но товарищеская выручка и поддержка Другого в повседневных ситуациях — эти человеческие качества, как правило, требующие самоотвержения и самопожертвования, свойственны многим героям, находящимся на территории Добра.

Острота сюжетных ситуаций в прозе Белецкого обусловлена обращением писателя к жанровым приемам и изобразительным средствам новеллы. Новеллизация является ведущим началом в поэтике писателя: практически во всех его произведениях, и прежде всего — в истернах, воссоздается внешняя канва «неслыханных событий», которые, по мнению Гете, являются непременным свойством новеллы [35, с. 211]. Новеллизация осуществлялась за счет ослабления внимания к внутреннему миру героя, к его индивидуальной судьбе, к изображению широкой макросреды. События, несмотря на их остроту, исключительность, напряженность, в любом произведении Белецкого в принципе являются однокачественными, т. е., несмотря на их «неслыханность», лишь добавляют конкретные сведения, данные, детали к тому представлению об изображаемой жизни, которое возникает у читателя после чтения уже первых страниц повествования. Такие сюжетные ситуации, как это и бывает в новелле, лишь усиливают ее драматизм. Это накладывает совершенно особый отпечаток на художественную систему крупной эпической формы. В «романах» Белецкого читателю представлена череда всякого рода необычных происшествий и картин, которые необходимы для развития в принципе очевидной перспективы в развитии фабулы. Все события воссоздаются по законам новеллистической «остроты», когда всё происходит «вдруг», когда отпадает необходимость в каких-либо сюжетных мотивировках [6, с. 26–27, 54–56]. В «Короле тайги» «вдруг» происходят встречи героев с дикими животными, которые кардинально меняют их планы и дают развитие событиям в непредвиденном направлении; «вдруг» в западне собственного тайного грота в глухой тайге оказывается Мигунов; «вдруг» Валентина Верховская случайно оказалась в этом месте и буквально спасла Мигунова; «вдруг» Володю нашли и уберегли от смерти «дикари-орочоны»; «вдруг» в самый критический момент Маше, которой помогался отчим, пришли на помощь люди Мигунова; «вдруг» случайно встретились Володя и Валентина, и сразу же чувство взаим-

ной любви их потянуло друг к другу и т. д. Новеллистическая неожиданность событий фиксируется уже самими названиями небольших глав, которые создают особый тип повествования: «Страшная тайна», «Жертва искупления», «Прекрасное привидение», «Людоедство», «Ловушка», «Секрет умирающего», «Живая могила», «Помощь чудовища», «Неожиданный выход» и т. д. («Король тайги»). Как правило, в произведениях Белецкого по законам новеллистической обработки материала в центре композиции оказывается вещь или символический предмет [6, с. 56], связанные с наличием сквозного мотива в повествовании. В «Короле тайги» и «Золотоискателях в горах Даурии» — это золото, причем как реальный металл, так и указующая примета сакрального места шаманов у диких орочон, а также символ средств достижения социального благополучия у благородных героев из цивилизованного мира.

Для произведений Белецкого характерен и особый финал — новеллистический *pointe* [6, с. 57], то есть сюжетно не мотивированное завершение событий. В «Короле тайги», благодаря поискам орочоном Данилой пропавшего Володи, в «скалах Лебяжьего озера» «вдруг», то есть безо всякой сюжетной детерминации, обнаружилось богатейшее месторождение золота, путь к которому, казалось бы, был окончательно утрачен [27, с. 360]. В «Золотоискателях в горах Даурии» *pointe* обозначен еще более отчетливо: Большой лама, оказавшийся графом Стратонским, занимаясь поисками золота по заданию тибетских мудрецов, выполнял лишь одну из задач глобального мирового плана достижения «общего блага людей», «выкупа человеческой души из когтей дьявола» [24, с. 325]. С Валерией Тулуповой в финале произошла вообще неожиданная метаморфоза, поскольку она «прозрела», «излечилась от своей душевной болезни» [24, с. 326] и даже пожелала стать в ряды единомышленников главного героя.

Новеллистическая «острота» проявляется не только в отдельных сценах наиболее активного действия персонажей, но и в сюжетных мотивировках истернов Белецкого. В соответствии с новеллистической традицией в них воссоздаются «готовые характеры», а «центр тяжести» в процессе смыслопорождения в этих произведениях переносится с характеров на ситуации [6, с. 9, 52]. Но в отличие от традиционной новеллистики или от переводимых в начале XX в. на русский язык американских вестернов (Э.С. Эллис, О. Уистер), в прозе Белецкого не фабула создает повествовательную «остроту» на уровне целого жанра, а цепь повествовательных микросюжетов, поскольку в этих произведениях нет подчинения всех картин и эпизодов строго последовательному действию. В «Короле тайги», например, сюжетообразующую роль, казалось бы, призвана выполнять история разработки богатого месторождения золота, случайно открытого старателем Андреем Людоедом в отдаленном, недоступном месте Забайкальской тайги. На обратном пути он, спасая себя и информацию об этом месторождении, принес в жертву двух сотоварищей, отведав, таким образом, «человечины». И этот персонаж, «очень нужный человек» [27, с. 300] для возглавляемой Мигуновым экспедиции, призванный показывать путь к достижению главной цели, в развитии сюжета играет весьма скромную роль: он погибает при нападении медведя еще задолго до окончания авторского повествования, и это не является помехой для развертывания дальнейших событий. Подобное наблюдается и в «романе» «Золотоискатели в горах Даурии». Хотя здесь более отчетливо проявляется сюжетно-композиционная роль фабулы, чем в «Короле тайги», но повествование так же представляет собою цепь «локальных» сюжетов, на которых во многом сосредоточен интерес. Это картина нарушения привычного образа жизни орочон при появлении Большой лампы; подготовка экспедиции за «большим золотом»; сюжет «таежной Мессалины» Тулуповой; трудный

путь экспедиции к цели; «золотая горячка» после обнаружения ««бешеного» золота» [24, с. 228] в одном из притоков реки Витим; сюжет «первобытных дикарей», которые не только мешали, но и одновременно, имея прямо противоположные намерения, помогли экспедиции в достижении цели. Повествование создается в результате последовательного присоединения этих «сюжетов» друг к другу.

Несмотря на обращение автора к традициям приключенческой литературы, сюжеты истернов Белецкого организуются по принципу контаминации интенсивного и экстенсивного развития повествования, распространяющегося вширь. То, что фабульная коллизия обогащается разнообразными, относительно самостоятельными сюжетами, картинками, развернутыми эпизодами, объясняется необходимостью сосредоточения интереса на событиях, на том, что происходит со всеми героями произведений. Если локальные «сюжеты» характеризуются интенсивностью событий, то фабула целого произведения развивается по законам экстенсивного повествования. Фактором, поддерживающим интенсивность на уровне повествовательного целого, является антитеза персонажной системы в такого типа произведениях: здесь неизменно герои противопоставляются по характеру отношения к жизни; по цели и мотивации поступков; по типу сознания – альтуристического или эгоцентрического, по нравственному облику. Система повествования приобретает характер своеобразного «монтажа кадров». «Король тайги», например, строится как система «кадров», чередуемых историй-событий, происходящих с главными персонажами — Мигуновым, Верховской, Володей, Машей в результате вторжения в их жизни с враждебными целями Фомы Кривого, Ермолаича, Барабаша, Подворского и др. Текст «Золотоискателей в горах Даурии» предстает перед читателем как последовательная смена «кадров», каждый из которых имеет свою систему персонажей. Поэтика таких произведений словно специально была ориентирована на публикацию в виде отдельных глав в периодических изданиях — газетах или журналах. Это указывает на генетическую связь истернов Белецкого с традиционными американскими вестернами конца XIX – начала XX в., которые печатались, как правило, в pulp-журналах. Не случайно, после публикации «Короля тайги» в «Газете-Копейке» известный издатель П.П. Сойкин сам предложил Белецкому печатать по главам следующее его произведение — «Золотоискатели в горах Даурии» — в журнале «Мир приключений» [14, с. 482]. Уместно подчеркнуть, что по типу повествования эти произведения Белецкого напоминают такие романы, как «Пионеры, или У истоков Саскуиханны» (1823), «Последний из могикиан» (1826), «Прерия» (1827) Ф. Купера или «Понтиак, вождь оттавов» (1902) Э.С. Эллиса. И это проявляется в отношении не только темы «фронтира» и продвижения «цивилизации» [22], но и поэтики сюжета, художественной речи с ее преобладанием диалогов над описанием. Объединяют произведения этих писателей и картины девственной природы, которая является своего рода «героем» произведений, наполняет их художественное пространство, подчиняется задаче выражения отмеченной выше в произведениях Белецкого «ноты трагизма», хорошо ощущаемой в стиле такого типа повествования [18]. Это не случайно совпавшие детали разных эстетических систем американских и русского писателей: в поэтике истернов Белецкого, как и в «повествовательной формуле» кинематографического вестерна [5; 12, с. 117], хорошо ощущаются жанровые традиции литературного вестерна [21; 17, с. 56]. Но литературный вестерн, как и кинематографический, отличается от истерна не только спецификой «экзотических ландшафтов» (вестерн: west — запад; истерн: east — восток), но и, как это уже отмечалось в научной литературе, «нарративными формулами, легитимирующими нормы культурной интеракции между обществами разного типа» [12, с. 117].

Уточним, о чем идет речь. Строго говоря, «Король тайги» и «Золотоискатели в горах Даурии» — это не романы с точки зрения жаровой типологии и поэтики. В них отсутствует основа романа как жанра эпической прозы, в центре которого, как правило, находится крупный социальный тип. Жанровая структура романа предполагает наличие «макросреды», т. е. широкого изображения общественно-исторической жизни, а также «микросреды» как истории отношений духовно близких героев [19, с. 20]. Главное в романе — это постановка проблемы личности в философско-эстетическом содержании данного понятия, то есть всестороннее раскрытие социальных ролей героя, являющего собою субстрат целого народной жизни [8, с. 80—81]. Основой романа является то «поэтическое представление человека, рассматриваемого в отношении к общественной жизни», то «явление жизни в человеке» [31, т. 1, с. 149; 28, т. 3, с. 326], которое определяет «архаику» этого жанра. В нем воссоздается широкий контекст социально-нравственных исканий героя, активизирующих развитие самосознания личности. С романским жанром истерны Белецкого роднит актуализация социальных проблем, но в них отсутствует изображение «макросреды», то есть жизненного процесса во всем многообразии граней, аспектов, тенденций современного социума, в отношении к которому рассматривалась бы «судьба частного человека» [31, т. 3, с. 326]. Намек на это содержится лишь в *pointe*-финалах. В «Короле тайги» Мигунов, потомок князей Богудар-Северских, видя, сколько много несчастья вокруг, стремится доказать своей жизнью, что «представители аристократии могут быть носителями высоких общечеловеческих идей» [27, с. 359]. Главный герой «Золотоискателей в горах Даурии» — Большой лама, граф Стратонский, пытается объединить все те «уголки Земли», которые еще «не отравлены ядом общественной неправды», мечтает не о возврате к «естественной», «вольной, свободной жизни <...> среди величия природы», а о «постройке будущего мира Прекрасного и Великого» [24, с. 317—318]. Он понимает, что «к будущему», во имя «общего блага людей», во имя «служения великим делам, великим задачам» придется «идти тернистым путем», «прорубая стену человеческого неведения» «мечом знания, мечом науки» [24, с. 317, 325], и подчиняет свою жизнь именно таким целям.

Истерны Белецкого отличаются от романов и спецификой процессов жанроформирования. Функциональная роль таких жанроформирующих факторов, как принцип сюжетно-композиционной организации, концептуальный хронотоп и тип повествования, в этих произведениях отнюдь не адекватна той, которую эти факторы художественного моделирования действительности играют в романе. Здесь, по сути, нет романного образа мира, а потому нет и романической «микросреды» [19, с. 20]: в «Короле тайги» история отношений Мигунова и Маши просто отсутствует, а Володи и Валентины Верховской — дана в редуцированном виде. В «Золотоискателях» отношения орочонки Сандомы и Большого ламы, человека совсем из другого мира, по сути, ограничиваются интересами «дела», с окончанием которого завершается и история этих отношений: герой возвращается в цивилизованный мир, а Сандома остается среди сородичей, став преемницей шаманки племени диких орочон. Как показал в своих исследованиях по исторической поэтике романа М.М. Бахтин, в романе герой всегда «больше своей судьбы или меньше своей человечности», он принципиально не завершен и потому не совпадает со своим сюжетом [3, с. 478—479]. Человек в истерных Белецкого, напротив, показан как завершенный в своем развитии, достигший своего максимума, потому главные герои этих произведений совпадают со своими сюжетами, исчерпываются ими. Даже перспективы жизнедеятельности Мигунова или графа Стратонского, которые слегка, пунктирно намечены в финалах произведений, содержательно не обогащают те

характеристики героев, которые обеспечены сюжетными формами их самораскрытия: они предстают перед читателем как «совпадающие с самими собою, абсолютно равными себе самим» [3, с. 476]. Более того, во «Вступлении» к «Королю тайги» автор дает понять читателю, что жизнь «молодого ученого профессора Стратонского» и его друзей трагически оборвется в результате «гибели в Индийском океане “Гиганта”», «величайшего из пароходов», на котором они находились, направляясь в Лондон. Стратонский, как подчеркнуто повествователем, «унес с собою на дно океана» «чертежи, планы, записки», то есть «ключ от будущего счастья человечества» [27, с. 7–8]. Его «преемником» и назван Мигунов («Короля тайги»), но будущее именно этого героя в общезначимом, национально-историческом контексте определено в произведении менее всего. Еще один новеллистический поворот (сюжетная связь судеб главных героев двух истернов) оказывается выражением авторского взгляда на возможное развитие событий, выходящих за рамки повествования, что не предусматривает опредмечивание намеченной сюжетной коллизии в художественной системе произведения.

Художественное время-пространство в литературном истерне, созданном Белецким, имеет свои жаровые приметы. В этих произведениях наблюдается та романтическая «зона построения литературного образа», в которой намечен, хотя и не «максимальный», но, тем не менее, осязаемый «контакт» художественного мира произведения «с настоящим (современностью) в его незавершенности» [3, с. 455]. Но при этом система повествования сохраняет все типологические приметы традиционной повести. При очевидном совпадении сюжета и фабулы реализуется структурная роль одной сюжетобразующей коллизии (поиски богатого месторождения золота); «кадры»-события последовательно примыкают, присоединяются друг к другу, все персонажи с присущей им характерологической доминантой находятся, действуют в одной пространственно-временной плоскости; синтез интенсивного (новеллистического) и экстенсивного принципов повествования проявляется в изображении, подчиняющемся принципу не концентрации, а расширения сфер сюжетного действия. Это типичные нарративные формы «среднего» повествовательного жанра [8, с. 106–117].

Такое совмещение повествовательных традиций разных эпических форм объяснялось тем, что «приключенческие» истерны Белецкого не противостояли художественному изучению современного социума, более того, обогащались освещением злободневных социально-экономических вопросов. Эти вопросы писатель поднимал в своей публицистике: утверждение права на свободный труд золотоискателей, критика бюрократии и крупных дельцов, хищнически истреблявших природные ресурсы [26]; торгово-промышленный кризис, неэффективность с экономической точки зрения золотодобычи в Приамурье, «рассчитанной на срыв “барыша”» [30] и т. д. Таким образом, несмотря на то, что художественное время в истернах Белецкого, казалось бы, имеет достаточно ограниченную «зону непосредственного контакта с неготовой современностью» [3, с. 481], то есть не насыщено современными проблемами государственной политики в области освоения «таких глухих, девственных мест, как необъятная Сибирь» [27, с. 8], оно, тем не менее, подчинено выражению *социально-аналитического* взгляда автора на изображаемое. Этим «Король тайги» и «Золотоискатели в горах Даурии» существенно отличались от произведений традиционных приключенческих жанров, весьма далеких от художественного анализа современной жизни. В произведениях же Белецкого объективно освещались социальные противоречия, проявляющиеся в повседневной жизни сибирского и дальневосточного регионов России. Жизнь «дикарей» [24, с. 256], т. е. коренного населения этих регионов, показанная как полу-

голодное существование в трудных условиях первобытной тайги, не только не интересовала представителей администрации, но и невероятно осложнялась в результате грабительства и произвола местных «урядников» типа Черноморова или управляющего Орехова («Золотоискатели в горах Даурии»). «Дела» в местах проживания ороchon-охотников и других малых народностей «шли все хуже и хуже»: «Приискатели распугали зверя и научили пить спирт, а пользы не дали или дали меньше, чем взяли от них» [24, с. 19]. В этих краях процветали самоуправство, бандитизм, хищничество: золоторазработки «закипели, зазвенело золото, полился спирт рекой, а вместе с ним и человеческая кровь» [25, с. 2]. В, казалось бы, цивилизованное время на местах золоторазработок нередкими были случаи людоедства («Людоеды», «Король тайги», «В горах Даурии»), на что вынуждала старателей борьба за выживание. Даже строительство Амурской магистрали, терзавшее «каменную грудь Забайкальских кряжей», сопровождалось неслыханными бедствиями и беспорядками. В истерне «Король тайги» показано, что «тысячные толпы разного нового люда» устремились в этот край, в котором отсутствие порядка и целесообразности в действиях властей привели к тому, что человеческая жизнь «совсем потеряла значение» [27, с. 45–46], массовая смертность стала обычным явлением.

Интегративного типа сюжеты истернов Белецкого не утрачивали энергии занимательности, оставались захватывающими, возбуждали огромный читательский интерес. «Король тайги» и «Золотоискатели в горах Даурии» Белецкого, будучи результатом новаторства в области как содержания, так и художественной формы, положили начало традициям жанра литературного «истерна» [14, с. 479, 482]. Более того, они оказали влияние на процессы формирования истерна как специфического киножанра с его приключениями, схватками, крутыми поворотами в сюжете, насыщенностью неординарными событиями. «Кадровость» как свойство сюжетной поэтики и новеллизм как стилевая доминанта произведений Белецкого создавали основу именно для такого типа сюжета. Литературные истерны Белецкого содержали мощный заряд корреляции литературного текста и кинематографической стилистики, были кинематографичны по своей художественной природе; писатель еще на заре зарождения искусства кино, опережая свое время, осваивал такие формы словесного творчества, в которых сценарное мышление автора, искусство монтажа как основы построения произведения выступали в качестве жанрообразующих средств. Кинематографичность как элемент новаторства само становится традицией в жанре литературного истерна. Так, «красный истерн» Г. Ш. Яхиной «Эшелон на Самарканд» (2021), по словам писательницы, имеет «сценарную», «кинематографическую основу», а в стиле произведения «сплавлены две эстетики» — «суровый мир ранних советских лет и... суровый мир германской сказки» [15]. Искусство художественного синтеза, ярко проявившееся в истернах Белецкого, становится характерной особенностью жанровой эстетики такого типа произведений.

Исследователи кинематографического истерна указывают на то, что этот жанр в отечественной культуре формировался в контексте воздействия на него инструментария западного вестерна, но был результатом их, по сути, параллельного развития [11, с. 1–7]. В такой же мере и литературный истерн был результатом подобного параллельного развития с вестерном, но художественные открытия Белецкого-прозаика опережали новаторство кинематографистов в этом жанре. В годы создания Белецким «Короля тайги» и «Золотоискателей в горах Даурии» в российском кинематографе «красный истерн» только зарождался. Советские фильмы такого жанрового типа появ-

вились лишь в первой половине 1920-х гг.: киноистерны Л. В. Кулешова «На красном фронте» (1920), «Необычайные приключения мистера Веста в стране большевиков» (1924) и И. Н. Перестиани «Красные дьяволята» (1923). Западные «ковбойские» вестерны и норсерны массово стали появляться на экранах тоже уже в 1920-е гг. Таким образом, литературные истерны Белецкого объективно способствовали формированию поэтики всех разновидностей данного жанра, включая и «красные истерны». Так, герои фильма В. А. Шнейдерова «Ущелье аламасов» (1937) подобно положительным персонажам истернов Белецкого исполнены стремления к добру, к «общему благу» [24, с. 325], их поступки и действия лишены эгоистических целей. Эти традиции в художественных трактовках проблемы личности сохраняются и в современных образцах литературы и киноискусства: литературный истерн «Высокая кровь» С. А. Самсонова (2020), киноистерн «Тобол» И. Г. Зайцева (2019) и др.

Белецкий, создавая истерны «Король тайги» и «Золотоискатели в горах Даурии», безусловно, ощущал тенденции формирования новой поэтики, формировавшейся как в литературных (Р. У. Сервис, З. Грей и др.), так и кинематографических вестернах начала XX в. По справедливому утверждению Дж. Г. Кавелти, «формула вестерна сформировалась уже в XIX в., но лишь в XX в. вестерн был осознан как литературный и киножанр» [9]. Творческая индивидуальность Белецкого как создателя литературного истерна проявлялась в поисках содержательных и формальных средств художественного анализа истории освоения дальневосточного региона России еще в самом начале 1910-х гг. Укрепившиеся в дальнейшей эволюции истерна сюжетные формы социокультурной интеракции, релятивность границ допустимого в изображении фактов преступления человеческих норм жизни (у Белецкого это людоедство, жестокость, эгоизм отрицательных или «нейтральных» персонажей, обладающих тоже своего рода «исключительными» свойствами, только со знаком минус, равнозначных положительным героям по выполняемой этими образами жанрово-структурной функции) сопряжены с достоверным воссозданием реальности, а не с установкой на активизацию читательской рецепции. Речь идет о противоречивых процессах неизбежного воздействия социальных групп друг на друга не в условиях конфликта культур цивилизованного мира и «дикарей» [24, с. 282], а в результате недалековидной внутренней политики властных структур, не обеспечивавших необходимые условия для экономического и социального освоения далекого восточного региона Российской империи, что и осознается героями истернов Белецкого [27, с. 145–146]. Общечеловеческие ценности таких героев и коренного населения Даурской тайги в истернах Белецкого совпадают. Не случайно писатель показывал, как на этой основе формируется у единомышленников Мигунова и Большого Ламы чувство коллективизма, а сама граница «фронта» между двумя мирами — «цивилизованным» и «диким» подвижна (см.: [12, с. 118; 18]), эти миры просматриваются друг через друга именно с точки зрения общечеловеческих нравственных норм.

Объясняется это тем, что истерны Белецкого имели другую тематическую основу по сравнению с западным вестерном. Политика освоения новых земель на востоке России принципиально отличалась от той, которая имела место в Северной Америке и Канаде, поскольку в России такое освоение носило характер реализации государственных интересов и не основывалось на колонизации коренных народов Сибири. Такой массы лично инициативных и преследующих собственные экономические цели колонистов, специфичных для Запада и создававших прототипическую матрицу культуры вестерна, в России не было. В этом смысле Белецкий не имел литературных

предшественников в области жанровой поэтики истерна, он, как уже отмечалось, сам породил такую художественную традицию. В этой традиции создавались произведения других «русских Фениморов Куперов» — В. К. Арсеньева, Г. П. Тушкана и др. или авторов, по романам которых кинорежиссерами были сняты фильмы-истерны («Даурия» К. Ф. Седых и др.).

Истерн — жанр, уже утвердившийся в отечественной литературе и культуре. Произведения о Сибири и Дальнем Востоке зарубежных авторов существенно отличаются от тех образцов, которые были созданы Белецким. Конечно, еще до появления его литературных истернов европейские писатели обращались к теме Сибири: «Дальнейшие приключения Робинзона Крузо» Д. Дефо (1719), «Учитель фехтования» А. Дюма (1840), «Михаил Строгов» Ж. Верна (1874) и др. Но в этих произведениях не было темы фронта, а изображаемые картины природы и нравов местных народов не отличались достоверностью: они были плодом их художественного вымысла. Нет такой темы и в произведениях иностранных писателей как прошлых лет («Якутские рассказы» В.Л. Серошевского (1895) и др.), так и нашего времени (полудокументальная книга «В лесах Сибири. Дневник одиночества» Сильвена Тессона (2011) и др. И по своей эстетике — это произведения совершенно другого типа по сравнению с литературным истерном.

Выводы. Литературный истерн П. К. Белецкого является феноменом художественного новаторства писателя. Своеобразие этого жанра определено содержательной идеей освоения Восточной Сибири России во имя «общего блага», в целях построения будущего общества, основанного на принципах социальной справедливости. Этим истерны Белецкого принципиально отличаются от западного вестерна, в котором, по свидетельству исследователя этого жанра, воплощается «буржуазный идеал общества, основанный на <...> идеях и действиях рыночного индивидуализма» [23, с. 68]. Идеино-структурная ситуация «фронта» в истерне определена жанровой формой нарративного выражения культурной интеракции между «цивилизацией» и «диким» миром коренного населения дальневосточной тайги, которые объединены общечеловеческими ценностными критериями, не поддерживаемыми и не укрепляемыми административной властью в условиях современного писателю социума. Литературный истерн Белецкого относится к произведениям романного типа, формировавшегося при этом по антисхеме романа. Как явление художественного синтеза истерн характеризуется эстетически повышенной ролью новеллистического задания в его нарративной системе, взаимосвязью интенсивного (в локальных сюжетах) и экстенсивного (в художественной целостности произведения) принципов организации системы событий. Новеллизм определял систему художественного обобщения, открытость истерна жанровому синтезу, сюжетную роль экшн-сцен, однокачественность художественных ситуаций, установку на изображение исключительных характеров и обстоятельств, смещение персонажей на противоположные этические полюса, гомогенность необычности и заурядности изображаемых событий. Это определяло особый тип «кадрового» повествования, «сценарность», «кинематографичность» сюжетно-композиционной системы литературного истерна. Учитывая в известной степени опыт авторов приключенческих произведений и вестернов, Белецкий создавал жанровую традицию, в контексте которой складывалась и развивалась поэтика литературного и кинематографического истерна, получившего широкое распространение в отечественном искусстве XX – первых десятилетий XXI в.

Список литературы

Исследования

- 1 [Б. а.]. Павел Белецкий // Книговоз. – URL: <https://www.knigovoz.ru/avtory/pavel-beleckij/>
- 2 Баскаков В. Н. Белецкий Павел Кузьмич // Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь: в 6 т. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 205–206.
- 3 Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975. 504 с.
- 4 Бичехвост Н. Ф. Сквозь дебри и опасности с Павлом Белецким // Белецкий П.К. Золотоискатели в горах Даурии. Ярославль: Издатель В.В. Мамонов, 2019. С. 328–332. URL: <https://proza.ru/2015/02/22/675>
- 5 Вайскопф О. Новый свет в литературе // Рандеву. 2005. URL: <http://american-lit.niv.ru/american-lit/articles/vajskopf-novujj-svet-v-literature-kuper.htm> (дата обращения: 06.06.2022).
- 6 Виноградов И. А. Борьба за стиль: сб. ст. Л.: ГИХЛ, 1937. 524 с.
- 7 Вулис А. З. В мире приключений: Поэтика жанра. М.: Советский писатель, 1986. 384 с.
- 8 Головки В. М. Историческая поэтика русской классической повести. М.: Флинта: Наука, 2010. 280 с.
- 9 Кавелти Дж. Г. Изучение литературных формул // Новое литературное обозрение. 1996. № 22. С. 33–64. URL: <https://www.metodolog.ru/00438/00438.html> (дата обращения: 06.06.2022).
- 10 Куренная И. Король забайкальской тайги // Читинское обозрение. – 2016. – № 10 (1390). – 9 марта. – URL: http://az.lib.ru/b/beleckij_p_k/text_2016_korol_zabaikalskoj_taigi.shtml
- 11 Лаврентьев С. А. Красный вестерн. М.: ООО «Алгоритм-Книга», 2009. 280 с.
- 12 Лапина-Кратасюк Е. Г. Красное на белом: к вопросу о культурной специфике жанра «истерн» // Вопросы культурологии. 2011. № 5. С. 117–120.
- 13 Лотман Ю. М. Литературная биография в историко-литературном контексте (К типологическому соотношению текста и личности автора) // Лотман Ю.М. О русской литературе. Статьи и исследования: история русской прозы, теория литературы. СПб.: Искусство-СПБ, 1997. С. 804–816.
- 14 Неграш С. Не пропадет ваш скорбный труд... // Белецкий П.К. Король тайги. Ярославль: Издатель В. В. Мамонов, 2016. С. 478–486.
- 15 [Орлова О.] Гузель Яхина: «Эшелон на Самарканд» написан в жанре «красный истерн», чтобы читатель не испугался» // ОТР. <https://otr-online.ru/programmy/gamburgskii-schet/anons-guzel-yahina-eshelon-na-samarkand-napisan-v-zhanre-krasnyu-istern-chtoby-chitatel-ne-ispugalsya-49377.html> (дата обращения: 06.06.2022).
- 16 Ромодановская Е. К. Сибирь и литература. XVII век: избранные труды. Новосибирск: Наука, 2002. 391 с.
- 17 Староверова Е. В. Феномен популярности в американской литературе XVII–XX веков: к вопросу о генезисе массовой беллетристики в США // Известия Саратовского университета. 2009. Т. 9. Серия: Филология. Журналистика. Вып. 1. С. 52–59.
- 18 Шейнкер В. Н. Джеймс Фенимор Купер // История литературы США: в 7 т. М.: Наследие, 1999. Т. 2: Литература эпохи романтизма. С. 97–152. URL: <http://>

american-lit.niv.ru/american-lit/istoriya-literatury-ssha-2/shejunker-fenimor-kuper.htm (дата обращения: 06.06.2022).

- 19 Эсалнек А. Я. Типология романа (теоретический и историко-литературный аспекты). М.: Изд-во Московского ун-та, 1991. 159 с.
- 20 Baker C. The Echoing Green: Romantic, Modernism, and the Phenomena of Transference in Poetry. Princeton: Princeton Legacy Library, 1984. 392 p.
- 21 The Western: A Collection of Critical Essays / ed. by J. K. Folsom. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1979. 177 p.
- 22 Turner F. J. The Frontier in American History. N.Y.: Holt, 1950. 375 p.
- 23 Wright W. Sixguns and Society: A Structural Study of the Western. Oakland: University of California Press, 1977. 217 p.

Источники

- 24 Белецкий П. К. Золотоискатели в горах Даурии. Ярославль: Изд. В. В. Мамонов, 2019. 336 с.
- 25 Белецкий П. К. История двух приисков // Восточное обозрение. 1899. № 209. 29 сент. С. 2–3.
- 26 Белецкий П. К. К вопросу о реформе золотопромышленности // Русское богатство. 1902. № 8. URL: http://az.lib.ru/b/beleckij_p_k/text_1902_k_voprosy_o_reforme-oldorfo.shtml (дата обращения: 06.06.2022).
- 27 Белецкий П. К. Король тайги. Ярославль: Изд. В. В. Мамонов, 2016. 493 с.
- 28 Белецкий П. К. Людоеды. Из таежной жизни // Мир приключений. 1927. № 5. URL: <https://fb2.top/mir-priklyucheniy-1927-05-545156/read/part-4> (дата обращения: 06.06.2022).
- 29 Белецкий П. К. На вольной земле: Повесть. Петроград: Школа наборного и печ. дела, 1914. 112 с. (Библиотека «Всходов»; приложение к № 10 за 1914 год).
- 30 Белецкий П. К. Неблагодарный край // Современник. 1913. № 11. URL: http://az.lib.ru/b/beleckij_p_k/text_1913_neblagodarny_kray-oldorfo.shtml (дата обращения: 06.06.2022).
- 31 Белинский В. Г. Собр. соч.: в 9 т. М.: Худож. лит., 1976. Т. 1. 737 с. М.: Худож. лит., 1978. Т. 3. 614 с.
- 32 Гибель Петрограда: Фантастика Серебряного века. [Б. м.]: Salamandra P.V.V., 2018. Т. 12. 357 с.
- 33 Колдовской цветок: Фантастика Серебряного века. [Б. м.]: Salamandra P.V.V., 2018. Т. IX: Путешествия. Приключения. Фантастика. 53 с.
- 34 Лондон Д. Полное собрание сочинений : авторизованное издание. – Москва: И. А. Маевский, 1910–1916.
- 35 Эккерман И. П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни / пер. с нем. Н. Ман. М.: Худож. лит., 1986. 689 с.
- 36 Эллис Эдвард Сильвестр: Приключения. – URL: http://az.lib.ru/e/ellis_e_s/

***

© 2023. Vyacheslav M. Golovko
Stavropol, Russia

LITERARY EASTERN
AS AN ARTISTIC DISCOVERY OF P. K. BELETSKY

Abstract: The study explores genre genesis of “literary eastern”, formed in the work of P. K. Beletsky at the beginning of the 1910s, ahead of the appearance of its cinematic twin, in cultural and historical aspects. The Russian writer, who, to a certain extent, took into account the experience of creators of the Western westerns, created an “archaic” of the genre type of eastern that received further development in Russian literature and culture. The genre specificity of such works of Beletsky, traditionally defined as “novel” in the writer’s metapoetics, is manifested in the creation of a “frontier” situation, a narrative expression of cultural interaction between “civilization” and the “wild” world of the uncharted Eastern Siberian region of Russia. Unlike Western westerns, the Russian version of this type of literary work embodies the idea of achieving “common good” rather than individual egoistic success with the prospects of socially progressive and humanistic transformations. Beletsky’s eastern laid the traditions of a large epic form, tracing back to the constructions of the novel type, characterized by a pronounced novelistic task, contamination of intensive (acuity of action, action scenes) and extensive (description of everyday life, wide distribution of the action) principles of constructing the plot, the homogeneousness of artistic situations, “scenaricity”, “cinematographic framedness”, ethical polarization in the character system, determination to depict “exceptional” characters and circumstances. The poetics of Beletsky’s literary eastern had an impact on the formation of “narrative formulas” of the corresponding cinema genre.

Keywords: P. K. Beletsky, Eastern, “Frontier Situation”, Novellistical Task, Genre Type of Plot, Chronotope, Cinematographicity, Artistic Synthesis.

Information about the author: Vyacheslav M. Golovko — PhD in Philology, Professor, Honorary Worker of Higher Education of the Russian Federation, Honorary Worker of Culture of Stavropol Region, Professor Emeritus, North Caucasus Federal University, Institute of Humanities, Pushkin St. 1, 355017 Stavropol, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5244-8972>

E-mail: vmgolovko@mail.ru

Received: June 06, 2022

Approved after reviewing: August 17, 2022

Date of publication: June 28, 2023

For citation: Golovko, V. M. “Literary Eastern as an Artistic Discovery of P. K. Beletsky.” *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 68, 2023, pp. 150–166. (In Russ.) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-68-150-166>

References

- 1 [N. a.]. Pavel Beletskii. *Knigovoz*. Available at: <https://www.knigovoz.ru/avtory/pavel-beleckij/> (Accessed 06 June 2022). (In Russ.)

- 2 Baskakov, V. N. Beletskii Pavel Kuz'mich. In: *Russkie pisateli* [Russian Writers] 1800–1917: Biographical dictionary in 6 vol. Vol. 1. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1989. P. 205–206. (In Russ.)
- 3 Bakhtin, M. M. *Voprosy literatury i estetiki: issledovaniia raznykh let* [Issues of Literature and Aesthetics: Researches from Different Years]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1975. 504 p. (In Russ.)
- 4 Bichekhvost, N. F. “Skvoz' debri i opasnosti s Pavlom Beletskim” [“Through the Wilds and Dangers with Pavel Beletskii”]. Beletskii, P.K. *Zolotoiskateli v gorakh Daurii* [Gold Miners in Mountains of Dauria]. Iaroslavl', Izdatel' V.V. Mamonov Publ., 2019, pp. 328–332. (In Russ.)
- 5 Vaiskopf, O. “Novyi svet v literature” [“New Light in Literature”]. *Randevu*. 2005. Available at: <http://american-lit.niv.ru/american-lit/articles/vajskopf-novyj-svet-v-literature-kuper.htm> (Accessed 06 June 2022). (In Russ.)
- 6 Vinogradov, I. A. *Bor'ba za stil': sbornik statei* [Fight for Style: Collection of Articles]. Leningrad, GIKhL Publ., 1937. 524 p. (In Russ.)
- 7 Vulis, A. Z. *V mire prikliuchenii: Poetika zhanra* [In the world of adventures: poetics of the genre]. Moscow: Sovetskii pisatel' Publ., 1986. 384 p. (In Russ.)
- 8 Golovko, V. M. *Istoricheskaia poetika russkoi klassicheskoi povesti* [Historical Poetics of Russian Classical Novels]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2010. 280 p. (In Russ.)
- 9 Kavelti, Dzh.G. “Izuchenie literaturnykh formul” [“Study of Literary Formulae”]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 22, 1996, pp. 33–64. Available at: <https://www.metodolog.ru/00438/00438.html> (Accessed 06 June 2022). (In Russ.)
- 10 Kurennaiia, I. Korol' zabaikal'skoi taigi [King of taiga beyond Baikal]. *Chitinskoe obozrenie*, 2016, no. 10 (1390), March 9th. Available at: http://az.lib.ru/b/beleckij_p_k/text_2016_korol_zabaikalskoy_taigi.shtml (Accessed 06 June 2022). (In Russ.)
- 11 Lavrent'ev, S.A. *Krasnyi vestern* [Red Western]. Moscow, OOO “Algoritm-Kniga”, 2009. 280 p. (In Russ.)
- 12 Lapina-Kratasiuk, E. G. “Krasnoe na belom: k voprosu o kul'turnoi spetsifike zhanra ‘istern’” [“Red on White: on the Issue of Cultural Specifics of ‘Eastern’ Genre”]. *Voprosy kul'turologii*, no. 5, 2011, pp. 117–120. (In Russ.)
- 13 Lotman, Iu. M. “Literaturnaia biografiiia v istoriko-literaturnom kontekste (K tipologicheskomu sootnosheniiu teksta i lichnosti avtora)” [“Literary Biography in the Context of History and Literature (Towards Typological Correlation between Text and Author’s Personality)”]. Lotman, Iu. M. *O russkoi literature. Stat'i i issledovaniia: istoriia russkoi prozy, teoriia literatury* [On Russian Literature. Articles and Research: History of Russian Prose, Theory of Literature]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., 1997, pp. 804–816. (In Russ.)
- 14 Negrash, S. “Ne propadet vash skorbnyi trud...” [“Your Sorry Labour will not be in Vain...”]. Beletskii, P.K. *Korol' taigi* [King of Taiga]. Iaroslavl', Izdatel' V.V. Mamonov, 2016. 493 p. (In Russ.)
- 15 [Orlova, O.] “Guzel' Iakhina: ‘Eshelon na Samarkand’ napisan v zhanre ‘krasnyi istern’, chtoby chitatel' ne ispugalsia” [“Guzel' Yakhina: “‘Echelon to Samarkand’ is Written in the Genre of ‘Red Eastern’, so that the Reader would not be Scared”]. *OTR*. Available at: <https://otr-online.ru/programmy/gamburgskii-schet/anons-guzel-yahina-eshelon-na-samarkand-napisan-v-zhanre-krasnyy-istern-chtoby-chitatel-ne-ispugalsya-49377.html> (Accessed 06 June 2022). (In Russ.)

- 16 Romodanovskaia, E. K. *Sibir' i literatura. XVII vek: izbrannye trudy [Siberia and Literature. 17th Century: Selected Works]*. Novosibirsk, Nauka Publ., 2002. 391 p. (In Russ.)
- 17 Staroverova, E. V. “Fenomen populiarnosti v amerikanskoj literature XVII–XX vekov: k voprosu o genezise massovoi belletristiki v SshA” [“Phenomenon of Popularity in American Literature of the 17th – 20th Centuries: on the Matter of Genesis of Mass Belles-lettres in the USA”]. *Izvestiia Saratovskogo universiteta*, 2009, vol. 9. Series Filologiya. Zhurnalistika [Philology. Journalism], issue 1, pp. 52–59. (In Russ.)
- 18 Sheinker, V. N. “Dzheims Fenimor Kuper” [“James Fenimore Cooper”]. *Istoriia literaturny SShA: v 7 t. [History of Literature of the USA]*. Moscow, Nasledie Publ., 1999, vol. 2: Literatura epokhi romantizma [Literature of the Romantic Era], pp. 97–152. Available at: <http://american-lit.niv.ru/american-lit/istoriya-literaturny-ssha-2/shejnkер-fenimor-kuper.htm> (Accessed 06 June 2022). (In Russ.)
- 19 Esalnek, A. Ia. *Tipologiya romana (teoreticheskii i istoriko-literaturnyi aspekt) [Typology of Novels (Theoretical, Historical and Literary Aspects)]*. Moscow, Moscow State University Publ., 1991. 159 p. (In Russ.)
- 20 Baker, Carlos. *The Echoing Green: Romantic, Modernism, and the Phenomena of Transference in Poetry*. Princeton, Princeton Legacy Library Publ., 1984. 392 p. (In English)
- 21 Folsom, James K., ed. *The Western: A Collection of Critical Essays*. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1979. 177 p. (In English)
- 22 Turner, Frederick Jackson *The Frontier in American History*. New York, Holt Publ., 1950. 375 p. (In English)
- 23 Wright, Will *Sixguns and Society: A Structural Study of the Western*. Oakland, University of California Press, 1977. 217 p. (In English)